

Аксиомы Коменского, или Строгий наказ гения научной педагогики всем реформаторам и модернизаторам школьного образования

Валентин КУМАРИН

Созданную в нашей стране систему образования перестроить нельзя. Это уникальное образование может занять почётное место в музеях деградации человеческой культуры, и только.

Долженко О.В. Беспольные мысли, или Ещё раз об образовании.

Ян Амос Коменский (1592–1670) — один из величайших умов в истории человечества, звезда первой величины эпохи Возрождения, непревзойдённой по количеству гениев в науке, культуре, искусстве (Данте, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Лютер, Декарт, Сервантес, Кампанелла, Галилей, Коперник, Рембрандт, Кеплер, Рубенс, Харвей, Шекспир и другие), создатель научной педагогики.

Главный труд — «Великая дидактика» (1632 г.), в которой все законы и правила обучения и воспитания выведены из природы человека — отсюда и принцип природосообразности.

Взяться за этот титанический труд его подвигло ещё бытовавшее в те времена чувство сострадания. Страдая сам от гонений католических фанатиков — в Европе полыхала Тридцатилетняя война (1618–1648) — скрываясь от них то в одном, то в другом уголке этого религиозного пожарища, Коменский просто не мог не обратить внимания на то, что ещё страшнее, чем та нескончаемая война, была тогдашняя европейская школа. Возможно, первый и последний раз он почувствовал, что ему не хватает слов для описания этого зрелища. Поэтому, вероятно, он и обратился к свидетельству другого очевидца, к запискам «учённейшего доктора богословия и профессора» университета в Ростоке Эйльгарда Любина (1565–1621), который эти слова нашёл и уже высказал: **«Применяемый метод обучения детей представляется мне совершенно таким, как если бы кому-либо, оплатив его труд и старания, поручили нарочно придумать преподавание, так чтобы учителя обучали своих учеников, а те учились не иначе, как с невероятными трудами, с страшным отвращением, с бесконечными тягостями и притом не иначе, как в предельно-длительный промежуток времени. Всякий раз, когда я об этом думаю и размышляю, смущённое сердце содрогается и ужас проникает в глубину моей души... Думая обо всём этом, я, признаюсь, не раз приходил к мысли и к тому решительному убеждению, что всё это введено в школу каким-то злым и завистливым гением, врагом человеческого рода»** (см.: *Коменский Я.А. Избр. пед.соч. М., 1955. С. 224–225*).

Было бы противоестественным, если бы такой человек, как наш герой, не решил в такой ситуации вступить за детей. Докопаться до первопричины, превращающей школу в ад для ангельских душ, и не предложил бы в качестве образца школу, которую он сконструировал сам. Не только сконструировал, но и, будучи её директором, и преподавая в ней родной язык (чешский), Закон Божий, латынь, а также другие предметы, всесторонне апробировал.

Всеевропейское признание Коменский получил при жизни. Но по полной программе, дальновиднее всех «теоретическую новизну и практическую значимость» «Великой дидактики» оценила Англия. Ведь именно в это время её отважные, неудержимые флибустьеры прибирали к рукам необъятные и несметно богатые заморские территории, включая Америку, а для их освоения, колонизации крайне нужны были отлично подготовленные кадры администраторов, миссионеров, фермеров, строителей, шерифов, полицейских, флотского и армейского состава, матросов, солдат и, конечно, школьных учителей, которыми ещё древние римляне закрепляли все свои воинские успехи. А тут ещё, вероятно, за то, что, будучи когда-то Альбионом, английские провинциалы лучше, чем германские, французские и прочие, усвоили великую культуру своих завоевателей (вспомним хотя бы о том, что Древний Рим стал первым в истории человечества правовым государством и додумался до разделения

властей), Господь Бог облюбил Англию для беспорочного зачатия промышленной революции и вскоре к славе грозной владычицы морей она добавила честно заслуженный титул «Мисс мастерская мира».

И опять проблема кадров: острейшая потребность в оборотистых деловых людях, умеющих на пенсе «наварить» фунт, и в рабочих, способных завалить мировой рынок товарами эталонного качества, побить любого конкурента. Попробуй-ка решить такие задачки без эффективной науки о «человеческом факторе». И снова — Божий промысел: протяни руку через Ла-Манш и бери готовенькое. Какой дурак откажется и будет строить из себя квасного патриота, доказывая с пеной у рта, что раз эта педагогика забугорная, то она нипочём не годится для британского менталитета? Что лучше лет сто повременить и пошукать (за народные деньги, конечно) «собственный путь», т.е. придумать что-нибудь... этакое? Например, дистантный мост: от Маниловки и до самого Петербурга! А разве не прикольно — переделка человеческой природы с помощью «культурно-исторической теории» и вытекающих из неё «поэтапного формирования умственных действий», «воспитывающего обучения», «обучения на высоком уровне трудности» и «развивающего обучения»? Полный отпад! Или...

За такие фантазии практичные англичане первым же фрегатом отправили бы на вечное поселение в Австралию. Для перевоспитания тамошним весьма специфическим контингентом. Поэтому, едва дождавшись, когда Коменский закончил (в 1638 г.) перевод «Великой дидактики» с чешского оригинала на общепринятую в тогдашнем учёном мире латынь, парламент Его Величества (по предложению самого Бэкона Веруламского!), не скупясь ни на какие жертвования в пользу протестантской «Общины чешских братьев» (Коменский состоял в ней епископом, а по совместительству был директором школы и преподавал почти все науки), тотчас (1640 г.) пригласил его в Лондон для «осуществления своих великолепных планов» и научной переподготовки английских образованцев.

В Лондоне Коменский проработал целый год, хотя его настойчиво звал в свою страну шведский король на ещё более выгодных условиях. Это приглашение Коменский в конце концов тоже примет, но самое главное он сделал в Англии. Его британские «курсанты» оказались очень старательными и смышлёными учениками. Они на «пятерку с плюсом» усвоили новую, сказочно эффективную науку образования и не только внедрили её у себя, но развезли на своих бесчисленных кораблях по всему белому свету.

В 1642 г. английские переселенцы высадились на берегу Массачусетского залива в Америке. Там они основали своё первое поселение и построили (в 1644 г.) первую американскую школу по «типовому проекту» гениального педагогического архитектора, которая и положила начало триумфального марша «Великой дидактики» по всему Новому свету. И тем, что Америка представляет собой сегодня, она, пожалуй в решающей мере обязана этой «Педагогической Библии», а поскольку Коменский был чистых кровей славянином, американцы имеют все основания благодарить и нас за своё экономическое чудо, за всё, что с ним связано.

К большому сожалению, история распорядилась так, что мы свой шанс упустили. И цари, и вожди проглядели его. Сегодня это упущение можно было бы навёрстывать, но вот беда — «субъективный фактор»: министерство народного образования и Российская академия образования никак не решатся обрубить пуповину, которая держит их на прусско-марксистском якоре. От этого все страдания нашей школы, все учебные муки детей, следствием которых и является самое страшное — невосполнимые потери в здоровье и трудоспособности.

Конечно, без конца такое положение не может сохраняться. Предел терпению уже наступил. Но где выход? В бесконечных шарлатанских «инновациях» вроде «развивающего обучения» или «управления качеством образования»? В министерских «припарках мёртвым» вроде 12-летки и единого государственного экзамена (кого экзаменовать — 90% двоечников и «натянутых троечников»)? Надёжное решение проблемы — единственное: немедленный отказ от «государственного образовательного стандарта», т.е. от уравниловки и принудиловки, от «единого образовательного пространства», т.е. от удушения земской инициативы, а главное — изгнание с позором извращенческой марксистской «педагогике» и «психологии» и полная реабилитация научной природосообразной педагогики, которую создал Коменский,

которую донесли до нас другие её классики (Локк, Песталоцци, Дистервег, Ушинский и Макаренко) и которая с нарастающим успехом трудится во всех культурных странах.

Ну, а теперь, благословясь, к аксиомам:

Первая

Человек есть самое высшее, самое совершенное и превосходнейшее творение (Великая дидактика, гл. I).

Вторая

Семена образования, добродетели и благочестия заложены в нас от природы (там же, гл. V).

Третья

Нет необходимости что-либо привносить человеку извне, но необходимо возвращать, выяснять то, что он имеет заложенным в себе самом (там же).

Четвёртая

Врождены также человеку стремление к знанию и не только способность переносить труды, но и стремление к ним (там же).

Пятая

Подобно тому как нет никакой необходимости принуждать глаз, чтобы он открывался и смотрел на предмет, так как он сам собою (стремясь от природы к свету) с наслаждением взирает на свет и воспринимает всё (лишь бы только не мешало ему сразу слишком большое число предметов) и никогда не может насытиться созерцанием — точно так же наш ум жаждет предметов, сам всегда открывается пред ними, сам хочет созерцать всё, сам воспринимает всё, сам быстро всё усваивает; везде он неутомим, лишь бы только не был он подавлен множеством предметов и лишь бы всё ему предоставлялось для созерцания одно вслед за другим, в надлежащем порядке (там же).

Шестая

Кто усомнился бы в том, что воспитание необходимо людям тупым, чтобы освободить их от природной тупости? Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди даровитые, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займётся бесполезным, пустым и пагубным (там же, гл. VI).

Седьмая

Не может служить препятствием то, что некоторые дети от природы являются тупыми и глупыми. Это обстоятельство ещё более решительно требует универсальной культуры умов. Кто по природе более медлителен и зол, тот тем больше нуждается в помощи, чтобы по возможности освободиться от бессмысленной тупости и глупости. И нельзя найти такого скудоумия, которому совершенно уж не могло бы помочь образование (cultura). Как дырявый сосуд, часто подвергаемый мытью, хоть и не удерживает воды, но всё-таки теряет свою грязь и становится чище, так тупые и глупые люди, хотя бы и не сделали никаких успехов в образовании, однако же смягчатся характером настолько, что научатся повиноваться государственной власти и служителям церкви (там же, гл. IX).

Восьмая

Как организм растёт и крепнет, не требуя никакого расширения и растягивания своих членов, если только его разумно питать, дать ему тепло и упражнения, так, говорю я, разумно доставляемые душе питание, тепло, упражнения должны сами собой переходить в мудрость, добродетель, благочестие (там же, гл. XII).

Девятая

Образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно лёгким (там же).

Десятая

Пыткой является для юношества:

I. Если его заставляют ежедневно заниматься по шести, семи, восьми часов классными занятиями и упражнениями да, кроме того, несколько часов дома.

II. Если оно бывает переобременено до обморока и до умственного расстройств (как это часто мы видим) диктантами, составлением упражнений и заучиванием наизусть чрезвычайно

больших отрывков. Чего добьётся тот, кто предпочитает в небольшой сосуд с узким отверстием (с чем можно сравнить способности детей) вливать жидкость сразу, а не вводить её по каплям? Конечно, большая часть жидкости разольётся, и в сосуд попадает несравненно меньше, чем это можно было бы сделать при постепенном вливании. Совершенно неразумен тот, кто считает необходимым учить детей не в той мере, в какой они могут усваивать, а в какой только сам он желает, так как нужно помогать способностям, а не подавлять их, и воспитатель юношества так же, как и врач, является только помощником природы, а не её господином (там же, гл. XVII).

Одиннадцатая

Правильно обучать юношество — это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, а это значит — раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки (знания), подобно тому как из почек деревьев вырастают листья, цветы, плоды, а на следующий год из каждой почки вырастет целая новая ветка со своими листьями, цветами и плодами (там же, гл. XVIII).

Двенадцатая

Не без основания было сказано: «Нет ничего более пустого, как знать и изучать многое», т.е. то, что, однако, не принесёт пользы; а также «Мудр не тот, кто знает многое, но тот, кто знает полезное». Сообразно с этим школьные работы можно будет сделать более лёгкими, внося в них некоторые сокращения.

Надо опускать:

I. То, что не является необходимым.

II. Чуждое.

III. Слишком специальное (там же).

Тринадцатая

Чуждое есть то, что не свойственно натуре того или другого ученика. Как у трав, деревьев, животных есть различные природные особенности — с одними нужно обращаться так, с другими иначе и нельзя пользоваться для одних и тех же целей всем одинаково, — так существуют подобные же природные способности и у людей. Встречаются счастливы, которые всё постигают, но нет недостатка и в таких, которые в определённых предметах удивительно непонятливы и тупы. Иной в спекулятивных науках — орёл, а в практической мудрости — осёл с лирой. Иной в музыке туп, а в остальном способен к обучению. У другого подобное положение имеет место с математикой, или с поэзией, или с логикой и пр. Что здесь делать? Куда не влекут способности, туда не толкай. Борьба с натурой — напрасное дело.

...И если никого из учеников не будут к чему-либо принуждать против воли, то ничто и не будет вызывать у учеников отвращения и притуплять силу ума; каждый легко будет идти вперёд в том, к чему его (по велению высшего провидения) влечёт скрытый инстинкт, и затем на своём месте с пользой послужит Богу и человеческому обществу (там же).

Четырнадцатая

Добродетель взращивается посредством дел, а не посредством болтовни (там же, гл. XXIII).

Пятнадцатая

Академические занятия (в вузе. — В.К.) будут подвигаться вперёд более легко и успешно, если, во-первых, мы туда будем посылать только избранные умы, цвет человечества, а остальных направим к плугу, ремёслам и торговле, смотря по их природной склонности.

Во-вторых, если каждый посвятит себя тому виду занятий, к которому, как это можно заключить по верным признакам, его предназначила природа. Ибо по природным дарованиям один является музыкантом, поэтом, оратором, физиком и т.д., в то время как другие более склонны к богословию, медицине, юриспруденции. Именно здесь слишком часто делается ошибка, так как по своему произволу, не обращая внимания на природную склонность, из каждого чурбана мы хотим сделать гения (*ex quo vis ligno Mercurios fingere*). Отсюда происходит то, что, обращаясь к тому или иному занятию вопреки склонности, мы не достигаем ничего достойного внимания и часто располагаем бóльшими знаниями в каком угодно по-

стороннем деле, чем в собственной профессии. Поэтому было бы целесообразно при окончании классической школы устраивать публичное испытание способностей: на основании этих испытаний директора могли бы определять, каких юношей следует направить для дальнейшего образования в академию, а кого назначить на другие профессии; а из тех, кто намерен продолжать свои занятия в академии, директора должны определить, кто должен посвятить себя богословию, а кто — политике или медицине и пр., сообразно с тем, какая у молодых людей проявляется естественная склонность, и в связи с потребностями церкви или государства.

...Натуры высокодаровитые надо поощрять ко всему, чтобы не было недостатка в людях, получивших всестороннее образование и вполне обладающих мудростию.

Надо, однако, следить за тем, чтобы академии воспитывали только трудолюбивых, честных и способных людей. Они не должны терпеть лжестудентов, которые, подавая другим вредный пример бездействия и роскоши, расточают отцовское имущество и губят свои годы. Таким образом, где не будет никакой язвы, не будет и никакой заразы, — все будут устремлять своё внимание на то, чем следует заниматься (там же, гл. XXXI).